

23 сентября, вторник

Когда я иду в школу, мечтаю о том, что сегодня Радий опять не придет, прогуляет... Но... моим желаниям не суждено, видимо, сбыться. Когда я вхожу в класс химии, я чуть ли не сталкиваюсь с Резерфордъевым. Он специально задевает меня плечом и проходит мимо, демонстративно не замечая меня. Ой, какие мы гордые... Смотри не упади...

Ставлю сумку на свою парту. Учебники не достаю... не до учебников сейчас. Смотрю на своего бывшего друга.

Похоже, тот случай, когда Радий заставил Вадима снимать на видеокамеру, как меня избивают, сильно подействовал на психику моего бывшего друга. Нет, не в том смысле, что Вадим теперь псих. Просто... Он теперь совсем по-другому смотрит на моего врага.

На большой перемене, когда я стою у своего класса и жду Максима, ко мне вдруг приближается тот парень, на которого я накричал недавно... Аркадий, кажется.

Кажется, сейчас что-то будет.

— А знаете ли вы, Александр, — начинает свою речь Аркадий, — что ваше поведение при прошлой нашей встрече было, я бы сказал, некорректно. Это нарушение этических норм, это неприемлемо в современном обществе, где гра-

ждане должны стремиться к свободе личности, к духовным ценностям...

На этот раз я не злюсь. Лишь смотрю на своего знакомого и молча улыбаюсь.

— У тебя, наверное, по всем предметам пятёрки, — прерываю ряд изречений я.

Аркадий теряется; несколько дольше, чем нужно, думает над ответом.

— Нет, не по всем... — Мой знакомый грустнеет.

Надо же, наверное, это единственный вопрос, на который у Аркадия не найдется развернутого ответа. Так что у него с учебой? Аркадий всегда разговаривает так, будто цитирует зазубренный материал. Может ли он думать, размышлять, рассуждать самостоятельно? Вряд ли... Что осталось от человека? Есть ли у него другие темы для разговора с друзьями или он может думать только об учебе?

Мне кажется, всем, всем нам, не только Аркадию, нужно внимательно посмотреть вокруг и понять, как разнообразен этот мир, как много в нем увлекательного. Нужно быть разносторонней личностью, интересоваться разными сферами жизни, уметь поддержать любой разговор.

А... Вон Максим ко мне идет.

— Извини, меня ждут... — Я киваю на подходящего ко мне друга. — Я, наверное, пойду.

И я быстро увожу Максима в другой коридор, чтобы, что Аркадий, в своем этическом желании познакомиться с моим лучшим другом, заведет речь на всю перемену.

Когда мы с Максимом остаемся в полупустом коридоре, мы останавливаемся. Я серьезно смотрю на него, и он терпеливо ждет моего вопроса. Хотя я не знаю, как он так понял, что я хочу спросить у него что-то... Что-то, даже не относящееся к моему разговору с Аркадием.

— Что ты думаешь о смерти?

Мой друг задумывается, но ненадолго.

— Ты знаешь... Часто говорят и пишут, что будут делать за один день до смерти, если точно будут знать, что умрут. По-моему, не нужно об этом думать, а надо действовать «здесь и сейчас». Жертвовать на благотворительность, просить прощения за все у дорогих тебе людей, дарить нежность любимым.

Нет, все-таки любовь — это не мое. Я не буду говорить, что любовь — это всегда боль, это не так. Но... Готов к любви — готовься к боли.

После такого завершения речи моего друга мне стоило бы вежливо спросить Максима, не влюблен ли он, но меня больше интересует другой вопрос, и я задаю именно его:

— То есть ловить счастье нужно сейчас?

— Да, — улыбается мой друг. — Главное — успеть быть счастливым и успеть подарить счастье другим.

— Успеть быть счастливым... — эхом повторяю я.

Раздается звонок на урок, и мы расходимся по кабинетам.

На уроке я не могу сосредоточиться на занятии и думаю о словах Максима...

А ведь действительно... чтобы жить счастливо нужно лишь... успеть быть счастливым. Наслаждаться каждым мигом жизни, каждой секундой... Любым делом, любой, даже самой скучной работой, которой ты занимаешься. Успеть быть счастливым, ведь потом будет поздно.

Успеть быть счастливым. Часто говорят: нужно проживать каждый новый день как последний. Я согласен с этим. Получать счастье сейчас, сегодня, не откладывая столь важного дела на следующий день.

Вдруг не будет этого завтра?

Дарить счастье другим... Пытаться делать людей счастливыми... Пытаться несмотря ни на что. Пытаться, пытаться, пытаться... Не отчаиваясь, если что-то идет не так. Не разочаровываясь в людях, ведь каждый из нас имеет недостатки. Не требуя благодарности, ведь многие люди не заме-

чают добра. Не хватаясь тем, что ты делал доброе. И не испытывая желания хвататься. Пытаться делать людей счастливыми именно так, следуя всем этим принципам — вот настоящая добродетель. И никак иначе.

Вечером, когда я уже собираюсь пойти в душ, в квартире раздается телефонный звонок. Я первым бросаюсь к трубке, потому что знаю, что моя сестра уже спит.

— Привет, Саша, — раздается из трубки голос Радия.

Замираю.

— Привет? — осторожно интересуюсь я.

— Чего же я, такой плохой, тебя разбудил? — язвительно спрашивает Резерфордьеv.

Смотрю на часы. 1:37. Отец Радия приказывает своему сыну ложиться спать около 23:00... Понятно, что мой враг думает, что своим звонком разбудил меня. Он же не знает моих обычных привычек... ложиться в 2 часа ночи.

Радий говорит что-то еще, но я не хочу этого слышать и... не слышу.

Кладу трубку.

Не нужно давать телефонный номер тем, кому нельзя доверять...

Перед тем, как лечь спать, я смотрю в окно. Я знаю, что не увижу там ничего нового, но каждая новая ночь приносит то странное чувство, которое я так люблю, которое невозможно испытывать днем... Я не знаю, что это за ощущение, но... Это отдаленно напоминает чувство свободы...

Кажется, что свет фонарей разрушает эту ночь, разбивает ее на осколки. И темнота будто прячется, скрывается от этих лучей. Будто она, тьма, хорошая, а этот свет хочет оставить ее без главной изюминки — тайны. И темноте хочется жить... Жить хотя бы ночью, пусть и сжимаясь от света города вокруг и растворяясь из-за него.

Они, тьма и свет, похожи на двух противоположных по характеру людей — скованную, стеснительную, избирательную в контактах личность и открытого, общительного человека.

А мне немного жалко тьму. Что свет так мешает ей жить. Не дополняя ее, нет. Сжигая ее, растворяя дотла.

24 сентября, среда

Я просыпаюсь, а ливень стучит в окно. Он, наверное, вызывает меня на бой. Вот выйду на улицу, и капли дождя будут бить по мне... А мне-то как отбиться? Эй, ливень! Так нечестно!

...Первое, что я замечаю, когда вхожу в классники. — Радий, вокруг которого компания одноклассников. А Вадим... Вадима в этой компании нет. Он там, отдельно...

Вчера они вроде бы тоже не разговаривали... И все тихо.

Было бы так хорошо, если бы нам нравился каждый, с кем мы общаемся! Но что это за утopia! Такое невозможно... Но что делать?

Скрывать свои истинные эмоции к человеку? Подстраиваться под него, думая, что тебе не нужен враг? Попытаться заслужить его доверие, предполагая, что этот человек тебе пригодится в будущем?

Я знаю много людей, которые стараются поддерживать со всеми нормальные отношения. Часто, весьма часто, я знаю, они таят на кого-нибудь зло, но держат его в душе, не выпускают. Никогда, никогда, никогда... Они молчат. Всегда молчат, когда их не устраивает чей-то характер, чьи-то поступки. Да, такое молчание полезно для окружающего общества, для той атмосферы какого-никакого, но доверия, царящего вокруг человека, который старается относиться нормально ко всем... Но это пагубно для души этого человека.

Нет, нужно не просто держать эту злость в себе, нужно ее искоренять на самых ранних ее стадиях. А еще всегда нужно пытаться изменить других людей к лучшему.

Терпимость... Да, я все-таки помню это слово!

Хотя... Стоит чему-нибудь случиться, и я, как почти любой человек, его забываю. Вот по геометрии я получаю двойку за работу в классе... Но я не чувствую себя виноватым — учить доказательства теорем, по-моему, глупо. И я не стану тратить время своей жизни на это... Пока... Пока я не такой умный, как Максим. Но он... все понимает разумом, но не чувствами. Быть может, в этом его проблема.

Во всяком случае, двойка по геометрии меня несколько злит, и настроение портится. На третьем уроке, алгебре, я получаю тройку. За прошлую самостоятельную... Я рассчитывал, что получу четверку... Вот это конкретно выводит меня из себя.

На четвертом уроке, физкультуре, просто стою и пытаюсь успокоиться... Внутри одно желание — спокойно побыть в своих мыслях, чтобы все оставили в покое и никто не трогал.

— Эй, ты... — раздается резкий голос, чья-то рука слишком сильно сжимает мое предплечье. Радий.

Рефлекс срабатывает быстрее, чем я успеваю задуматься.

Разворачиваюсь, хватаю его за руку и заламываю ее.

Радий вскрикивает от боли. Я заламываю его руку сильнее... Он затравленно смотрит на меня.

Я ощущаю такую силу в своем теле... Наконец... Наконец я чувствую эту власть, такую большую власть... и беспомощность Резерфордьева. И это опьяняет. Хочется сделать больше, больше... Чтобы он физически испытал хотя бы часть той душевной боли, что доставил мне.

Краем глаза замечаю, что к нам бегут наши одноклассники. Разнимать, наверное. Чувствую, что времени на решающий удар остается все меньше и меньше...

Но... Я сдерживаюсь... Еле сдерживаюсь... И отпускаю своего врага.

Как только я это делаю, Радий отлетает от меня на добрых два метра, смотрит на меня так, что, кажется, окажись перед его взглядом сейчас молоко, оно бы скисло, окажись яблоко — сгнило бы, окажись растение — завяло бы. Но человек (тем более такой человек, как я) — не молоко, не яблоко и не растение...

Радий делает глубокий вдох, собираясь что-то сказать, но, видимо, не находит нужных слов. По выражению лица Резерфордьева видно, что все слова, что приходят ему на ум, кажутся ему недостаточно едкими. Радий будто хочет облить меня кислотой из мерзких слов, но... те кислоты, что попадают ему под руку, либо не те, либо недостаточно концентрированные... И поэтому он не может сказать абсолютно ничего. Впервые его вижу в таком состоянии, и это крайне забавно.

— Завтра... — наконец с ненавистью выдыхает он. — Стрелка после школы... За теми же гаражами... Если не придешь — до конца школы будешь ниже плинтуса. Если снова сбежишь... то же самое...

— В прошлый раз ты подло поступил, — громко говорю я. — Пятеро на одного! Чтобы в этот раз один на один! И я тебя в клочья порву!

— Мы еще посмотрим, кто кого порвет! — шипит Радий.

— Свои отношения будете выяснять не на уроке физкультуры! — вдруг раздается совсем рядом громкий голос учителя. — А ну все быстро на канат!

Я разворачиваюсь и гордо шествую к канату.

— А вы что встали?! — кричит преподаватель на одноклассников, оставшихся за моей спиной. — А ну пошли!

Перед следующим уроком я стою в одиночестве у стены. Вдруг замечаю, что ко мне приближает-

ся мой одноклассник. Не Вадим, не Радий, не Васек, не Петька и не Гришка... Вот что удивительно больше всего.

— Ты... Ты правда хочешь с ним драться?

Недоуменно смотрю на своего одноклассника.

Не хочу никого обидеть, но это совершенно безвольный человек, легко поддающийся чужому влиянию, так что в начале учебного года он, не раздумывая, присоединился к компании Радия. Но единственное, на что не могли воздействовать ничьи мнения, — так это на его любовь к литературе. Именно литература. Несмотря на то, что и по всем остальным предметам у него были пятерки.

Есть у него прозвище, очень точно описывающее его в плане учебы. «Клевер». Оно родилось от двух аспектов... Он редко учит домашнее задание, но его всегда спрашивают именно тогда, когда он выучил материал. Отчасти благодаря своей везучести он и стал отличником. Отсюда родилось и прозвище «Клевер», ведь четырехлистный клевер — символ удачи. Кроме того, слово «клевер» созвучно английскому clever, что значит «умный».

А еще он очень стеснительный. Жутко стеснительный. Настолько, что, казалось, он стесняется даже собственного отражения в зеркале. Стоило любой девчонке у него что-нибудь спросить, даже насчет уроков, как его взгляд устремлялся в пол, и он начинал что-то лепетать.

Несмотря на это, он очень хочет всем нравиться. Я часто вижу, как он стоит у зеркала в туалете и зализывает свои светлые волосы назад, будто так он выглядит лучше.

— Да, я хочу с ним драться, — задумчиво отвечаю я.

— Ну... Ну удачи тебе тогда... — отвечает Клевер.

Отличник уже хочет уйти, но я его останавливаю. Просто не верится, что хоть кто-то в моем классе за меня...

В голове постепенно назревает вопрос, который я хотел бы задать, но... я замечаю Аркадия среди толпы. И, что хуже, он замечает меня.

— Здравствуй, Александр. — Мой знакомый пожимает мне руку.

Клевер недоуменно косится на Аркадия.

— Я вижу вас, Александр, в обществе весьма интеллигентного человека. Я скромно считаю себя тоже интеллигентным. А долгом каждого интеллигентного человека является знать других интеллигентных людей. Так что... не соизволите ли вы, Александр, представить мне вашего друга?

— Это Клевер...

— Клевер? Давать человеку кличку — неуважение общества. Это не рационально, не логично,

это сильно нарушение нескольких правил этикета, это неприемлемо в современном обществе, где граждане... — Аркадий вдруг замолкает, видимо, вспомнив, что уже говорил мне последнюю часть этой фразы.

Видимо, я прав, мой знакомый просто цитирует учебник...

— Да я не против... Пусть называют Клевером, — скромно выдавливая из себя мой одноклассник.

Смотрю на Аркадия. Он озирается по сторонам, и создается впечатление, что он ищет повод уйти. Переводит взгляд на меня. Видно, находит, наконец, нужные слова:

— Я так голоден, что могу съесть слона! Ведь я, как всякий гетеротроф, питаюсь готовыми органическими веществами, коим является слон.

Я не выдерживаю и смеюсь. Через несколько долгих секунд ко мне присоединяется и Клевер.

Аркадий, осознав, что на этот раз действительно сказал какую-то глупость, делает шаг назад, испуганно глядя в пространство.

— Ладно... Короче, я в столовую, — произносит он и... испаряется.

Надо же, это была самая простая и жизненная фраза, сказанная Аркадием за все время нашего общения. Быть может... где-то внутри он все еще человек.

...На перемене перед шестым уроком я смотрю в окно. На улице все так же — ливень. Дождь идет уже так долго, что у меня возникает ощущение, что никогда ничего не было в мире, кроме этого дождя. Что не было и нет солнца, луны, звезд... А только холодные капли, падающие сверху всегда, всегда, всегда...

25 сентября, четверг

Сегодня на меня обращают какое-то особое внимание. Как-то уж слишком часто смотрят на меня одноклассники. В голову поневоле закрадываются мысли о предстоящей драке.

На одной из перемен ко мне подходит Максим.

— Привет, — улыбается он. — Чего такой грустный?

— Я? — сначала даже удивляюсь. — Я не грустный, я думаю...

— О чем?

— Мы вчера с Радием серьезно подрались, — перехватываю несколько удивленный взгляд друга. — У нас сегодня стрелка после школы.

— Прости, у меня семь уроков...

— Да ладно, ничего. Надеюсь, в этот раз он не будет таким уж подлым и драка будет один на один.

— Ты одержишь победу, я в тебя верю, — ободряюще улыбается Максим.

Эта фраза кажется мне заученной и скопированной с бесконечного количества одинаковых шаблонов.

После школы все одноклассники идут со мной за те самые гаражи. И непонятно — просто ли тяга к зрелищам влечет их туда или они в действительности будут болеть за кого-то. Вот у меня есть хотя бы Клевер в союзниках... Но он не подаст виду, я его знаю.

Все-таки люди — такие жестокие существа! Смотреть на чужую боль... Так спокойно смотреть... И не испытывать при этом ни малейшей жалости, а наоборот... подстрекать сильнее всего, как это обычно бывает в драках такого типа... Видеть чужие страдания... Знать, что ты можешь помочь... Но в то же время не делать ничего... Абсолютно ничего...

Как кровожадна толпа в подобных ситуациях! Как один большой зверь, который хочет насы-

титься жертвой... В той толпе уже нет мыслей отдельного человека, есть одна мысль, максимум две — это мысль толпы. Мысль короткая, жестокая и ясная. Мысль, которая даже не похожа на мысль, а скорее, на одно-единственное желание — старое и вечное желание крови.

Радия еще нет, но всем ясно, что он скоро будет. Его величество просто немного задерживается, только и всего...

В воздухе повисает некоторое напряжение, а среди одноклассников разговоры только о предстоящей драке. Но зато это свободная минута... Когда можно подумать о... кажется, подумать не удастся — Вадим подходит ко мне и просто смотрит на меня. Спросить, чего он хочет? Зачем спрашивать, если все и так ясно?

Я думал, что все кончено. Что нашу с Вадимом дружбу (если ее можно было так назвать) не вернуть. Оказалось, нет.

Человек может ошибиться. Человек может предать. Человека нужно простить. Но сейчас, когда Вадим попробовал воспротивиться Радию,

его влиянию на всех окружающих... Сейчас, когда Вадим, видя все то, что происходит со мной из-за Радия, пытается встать на мою сторону в этом противоборстве... Сейчас, когда Вадим понимает, насколько опасно становится врагом Резерфордьева... Сейчас Вадим на пути к тому, чтобы стать другом. Нет, не тем фальшивым «другом», которым он был раньше, а настоящим, преданным другом...

Вдруг замечаю, как на глазах моего бывшего друга появляются слезы.

— Прости меня... — тихо произносит он.

Никогда не видел Вадима таким... Никогда... Сейчас он совсем не похож на веселого, общительного, открытого всем человека. Он похож... На котенка, слабого, беззащитного котенка, у которого только-только открылись глаза.

Не могу сдержаться и обнимаю своего... теперь уже друга... настоящего друга...

У Вадима такое состояние, будто он навсегда прощается со мной. Странно... И Клевер вчера так неестественно пожелал мне удачи... И одноклассники пришли все смотреть на эту стрелку... Видно, в каких-то своих «байках», как Радий их называет, мой враг хвастался всем, что обладает небывалой силой. Во всяком случае, все это ложь. По крайней мере... мне хочется так думать.

Но я уверен в себе. Я буду драться. И в честном бою я не сбегу.

Стыдно признаться, но после того раза, когда Радий пел какую-то песню в классе... Я нашел ту песню в Интернете и прослушал в оригинале. Пусть конкретно та песня была слишком негативна для меня, но голос певца мне понравился, и я... нашел другую песню в его исполнении, которая мне понравилась больше. И именно эту песню мне хочется послушать сейчас, поэтому я достаю из сумки плеер, надеваю наушники и включаю музыку...

Мне хотелось бы верить в торжество добра над злом... особенно перед этой стрелкой. Конечно, это немного неправильно — считать себя добром... Но мне кажется, что в нашем с Радием противоборстве скорее я добро, чем Резерфордьев.

Но вот приближается он. В нос ударяет резкий запах сигарет, и я невольно отодвигаюсь. На секунду в голове появляется мысль, что Радий специально пришел позже, чтобы его появление выглядело эффектной. Но сейчас нужно думать о другом, и поэтому мои мысли быстро меняют свое направление.

Вообще я впервые на стрелке. А все потому, что сам себе никогда проблем не нахожу. Да и врагов у меня не было до Резерфордьева...

Одноклассники окружают нас, образуя так называемый ринг. Радий стоит и спокойно смотрит на меня. Я выжидаю...

— Даю тебе последний шанс остаться в живых... Вставай на колени и проси прощения, — приказывает Радий.

Фыркаю. Улыбаюсь. Не выдерживаю и смеюсь. Получается слишком дерзко.

Резерфордьев быстро делает два шага вперед и резкий удар кулаком, который должен был попасть мне в подбородок, если бы я не увернулся. Быстро хватаю своего врага за плечи и делаю подсечку... Радий не успевает сориентироваться и падает, а я быстро отскакиваю от него, чтобы он не сделал какую-нибудь подлость. Странно, но одноклассники считают это концом первого раунда и объявляют передышку.

Резерфордьев злобно шипит. Среди одноклассников разговоры только:

— Да Сашке просто повезло!

— Я б тоже не успел среагировать.

— Сейчас Радий его сделает!

Но Вадим и Клевер подходят ко мне и ободряюще хлопают по плечу. Мол, молодец, парень. А я просто ровным счетом ничего не понимаю. Что-то мне подсказывает, что дальше все будет совсем не так просто...

Нужно драться. Нужно еще драться... Второй раунд. Но у меня нет того боевого настроения, который есть у моего врага. Хочется что-то чувствовать. Хоть что-то... Злость, презрение, негатив... Но я не чувствую. Просто не чувствую. Ровным счетом ничего.

Мои одноклассники образовали боевой круг, и я выхожу в его центр.

Радий быстро шагает вперед, и пока я не успеваю сориентироваться, делает сильный удар под ребро, и я чуть не падаю от боли. Но я быстро справляюсь с собой и отвечаю ударом ногой по голени. Резерфордьев падает на прелую осеннюю листву под ногами. Видимо, боясь показаться слабым, он быстро перекатывается, не жалея своей куртки, и хватает меня за ногу. Я пытаюсь удержать равновесие, но Радий всеми силами хочет меня повалить...

В такой момент почему-то я пытаюсь случайно не наступить своему врагу на руку... Почему-то мне кажется, что это слишком грубо даже для такого вида драки...

Вдруг Радий делает быстрое движение корпусом, сильное движение рукой и все-таки валит меня в грязь. Теперь я уже чувствую ненависть, причем она настолько плотно застилает глаза красной пеленой, что я не вижу, насколько ра-

зумны мои поступки. Я быстро перекачиваюсь, хватаю Резерфордьева за плечи и с силой бью его головой об асфальт... И в тот же момент жалею о свое поступке. Глаза Радия на миг мутнеют, в них не остается злости, а есть только какое-то бессознательное удивление и непонимание...

Меня оттаскивают от Резерфордьева, и я не сопротивляюсь... Я подавлен своим поступком. Как я мог такое сделать? Я сижу на ближайшей лавочке, вино, тихо и безропотно слушаю нелестные замечания Радия, уже снова по-боевому настроенного.

Все остальные молчат. Они не могут понять, как их лидер мог снова проиграть такому человеку, как я. Потом по толпе проходит шепоток. Хотя я и не слышу слов, но он кажется мне странным.

Вадим и Клевер хвалят меня... Но как-то скромно, с опаской...

Через минуту начинается третий раунд, и толпа, вся толпа, кроме Вадима и Клевера, кричит:

— Радий! Радий! Радий!

Но вдруг откуда-то из самой ее середины раздается уверенный громкий голос:

— Саша! Саша!

Замечаю, что Радий смотрит в ту сторону, позволяя и себе отвлечься от драки и посмотреть на смельчака.

Максим. Он все-таки пришел. Он поддерживает меня...

Вдруг откуда-то слева раздается робкий голос:

— Саша! Саша!

Вадим. Друг.

И вот Максим и Вадим уже вместе болеют за меня, а Радий лишь удивленно оглядывается по сторонам. К друзьям робко присоединяется Клевер... А через несколько секунд случается то, чего точно ожидать не приходилось, — мое имя начинают выкрикивать Васек, Петька и Гришка. Теперь уже те, кто болел за Радия, пораженно смотрят на моих союзников, переглядываются друг с другом... Но больше никто не присоединяется к болеющим за меня.

Вдруг Радий громко и четко кричит, и это звучит как приказ:

— Ату их, парни!

И тут начинается настоящая драка! Слуги Радия, как верные, но глупые псы кидаются на моих друзей. Максим, не раздумывая, бьет всех нападающих, причем бьет кулаками — и весьма профессионально, будто в течение какого-то времени отработывал эти удары хоть и не на тренировке по боксу, но в спортивном зале. Вадим дерется хуже... Видно, что он не привык это делать, но все же сражается с чувством. Васек, Петька и Гришка сражаются средненько... молча и как-то самоуглубленно. Клевер... тот совсем не умеет драться. Но не бежит, а большей частью блокирует удары.

Так проходит мой день.

Окончание следует.